

Кустова (Смирнова) Валентина Николаевна

Жили мы в Нейском районе Костромской области. Отец, Смирнов Николай Фёдорович, работал председателем колхоза, мама в этом же хозяйстве бригадиром. Перед самым началом войны мне исполнилось всего два года. Папу я не помню, потому что он сразу получил повестку о призыве в Красную Армию и отправился на фронт... Детей тогда в семье было четверо. Мама, Анна Ивановна, рассказывала, что, когда отец прощался с нами, он поднял меня высоко на руках, поцеловал и ушёл... А в декабре 41-го погиб в боях за Ленинград. Потом мы долго пытались найти, где он захоронен, но из Ленинградской области приходили ответы, что на территории области захоронения моего отца нет. Много позже выяснила, что погиб он в Новгородской области. Похоронок на отца в семье не сохранилось.

...Мои старшие сестра и брат, а потом и я им помогала, работали в колхозе на заготовке кормов. Мама косила траву, а мы, дети, ворошили, собирали сено в скирды, в стога...

У нас была корова, но она умерла. Без неё особенно бедствовали, мама боялась, что мы умрём от голода. Питались, как многие тогда в деревнях: мама варила щи из крапивы, хлеб пекла из лебеды и цветков клевера – муки в доме не водилось... Потому он в наших руках разваливался. Но хоть какая-то еда. Мы помогали маме, как умели... Рвали щавель, в лесу собирали малину, чернику, грибы. Поскольку мы были ещё маленькими, в лес ходили с ребятами постарше, иначе могли заблудиться.

Наша деревня Строка стояла на реке Нельша. В ней утонул мой брат, и это трагическое для семьи событие из-за малолетства я вспоминаю как сон... Деревенская ребятня много времени проводила на речке. Сейчас дети, оказавшись у воды, купаются, загорают, играют, а мы ещё и рыбу ловили, чтобы тут же пожарить её на костре.

До сих пор помню вкус нашего главного лакомства в те годы - пшенной каши на молоке. Мама варила её всего несколько раз в год, в наши детские дни рождения. Покупала у соседки литр или пол-литра молока, на нём и готовила - объедение! А в обычные дни чувство голода не покидало, есть хотелось постоянно. Да, весной ещё собирали на колхозных полях так называемые тошнотики. Это картошка, которая осталась в земле с осени не убранной... Пойдёшь на поле, найдёшь мороженые сморщенные клубни, и мама что-то из них «изобретает»... После такого блюда, бывало, и тошнило. Потому и «тошнотики». За такие «заготовки» нас в колхозе не ругали. Зато влетало за горох. Когда он созревал, мы дожидались темноты и осторожно, чтобы сторож не заметил, пробирались к посадкам и воровали стручки. Боялись, конечно, но побеждали желание «перекусить» ... и азарт: сможем ли набрать гороха так, чтобы уйти с добычей незамеченными?

А знаете, как мама решала проблему соли? Купить её не на что... И вот в бочку, в которой раньше заготавливали в зиму и хранили овощи, наливали воду, и ждали, когда впитавшаяся за много лет в древесину соль

растворится... На этом «бульоне» и готовили еду. В бане мылись без мыла. Смешивали золу водой, образовывалась жидкая каша, эту «настойку» процеживали через марлю... тем и мылись...